

Образ СССР во Франции в 1945 году

Канинская Г. Н.

65-летний срок, прошедший с момента окончания Второй мировой войны, представляется вполне достаточным для того, чтобы предпринять переосмысление событий стремительно развивавшегося XX века в целом, не исключая возможности на этом фоне проследить, какой изображалась французскими газетами в 1945 г. наша страна-победительница. Иными словами, в данном контексте открывается одна из проблем исследовательского поля — образ «другого» в международных отношениях. С методологической точки зрения эта проблема была исчерпывающе раскрыта в докладе известного французского ученого Р. Франка, сделанном на международном конгрессе историков в Осло в 2000 г.¹ В сжатом виде основные его выводы можно свести к пяти положениям:

- во-первых, образ «другого» в международных отношениях всегда амбивалентен. Поэтому в его содержательной компоненте соседствуют как позитивные, так и негативные представления, и самоидентификация народа сопровождается созданием представлений о «плохих» и «хороших»;
- во-вторых, сам образ, с одной стороны, служит продуктом инструментализации, а с другой — манипуляции;
- в-третьих, образы не только создаются «сверху», то есть теми, кто обладает прерогативами их конструирования, но существуют и «снизу», то есть непроизвольно возникают в массовой среде;
- в-четвертых, в процессе складывания образа «другого» непременно присутствует проекция или «прикидывание» его на «себя» или на реальность в собственной стране;
- в-пятых, в процессе изучения того, как формировался тот или иной образ «другого», отчетливо просматривается наличие связи этого процесса с представлениями, размышлениями и воспоминаниями о прошлом, настоящем и будущем².

Принимая во внимание вышесказанное, необходимо отметить еще два важных обстоятельства, составлявших специфику восприятия и, соответственно, представления СССР во французской прессе в 1945 г.:

- следует учитывать, что общий вектор развития взаимоотношений Франции и СССР постепенно,

с конца 1945 г., начал двигаться в сторону перехода от союзнических отношений к враждебным в 1947 г. Понятно, что дрейф этот объяснялся логикой погружения мира в обстановку «холодной войны». В той связи, возвращаясь к тезису об амбивалентности в изображении образа «другого» применительно к нашему сюжету, отметим, что во французской прессе образ СССР рисовался в рамках дихотомии: «союзник-враг»;

- наряду с этим, к влиянию на формирование представлений об СССР во Франции 1945 г. присовокуплялась обстановка внутри самой Франции, где в то время разгоралась ожесточенная борьба между ведущими политическими течениями и партиями за установление режима Четвертой республики. В этой борьбе ведущие роли играли и постепенно становились противниками голлисты и коммунисты. В результате, на примере отношения к СССР во Франции в 1945 г. отчетливо прослеживается не только взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики, но также и то, что иногда внутренняя политика довлела над тем, как писали о Советском Союзе французские журналисты некоммунистической принадлежности. В их корреспонденциях зачастую вырисовывалась такая дихотомия: Франция заинтересована и активно ратует за военный союз с СССР, но не заинтересована в тесном политическом союзе. А глава генерал де Голль предстает как горячий сторонник союза с СССР в борьбе против нацистской Германии, но ярый «антибольшевик» в том, что касалось советской внутренней политики, поэтому никак не может одобрять в этом плане советскую страну.

Подчеркнем, что сказанное относится не только к де Голлю. В стратегии не только французских некоммунистических политиков, но и западных союзников в целом с 1945 г. прослеживалось противоречивое отношение к СССР. По сути, оно предстает в виде следующей дихотомии:

- с одной стороны, союзники прекрасно осознавали значимость СССР в деле разгрома Германии;
- с другой стороны, они уже были озабочены «угрозой коммунизма» и ограничением советского

Канинская Галина Николаевна — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета; e-mail: vestnik@mgimo.ru

влияния в послевоенном мире и в своих странах.

Хотя стоит подчеркнуть, что в 1945 г. на Западе царил в основном позитивное восприятие СССР. В 1945 г. далеко еще не было ясно, каким образом будут складываться взаимоотношения Запада с Советским Союзом в рамках послевоенного миропорядка. Для Франции смещение акцента в дихотомии «союзник-враг» отчетливо начнет вырисовываться с начала 1946 г. Французская исследовательница А. Лакруа-Риз связывает это, прежде всего, с установлением тесной связи между руководителями двух ведущих партий Франции — МРП и СФИО, и американским посольством в Париже³.

Как же трактовала образ СССР французская пресса в 1945 г.? В первой половине 1945 г., то есть в период освобождения Европы от гитлеризма, все наиболее авторитетные газеты Франции того времени писали о нашей стране весьма почтительно. Это дклали и коммунистическая «Юманите», и социалистическая «Попюлер», и нейтралистская «Монд», и выразительницы правых взглядов «Фигаро» и «Карфур». Представители Временного правительства Франции в Москве специально отыскивали в советской прессе и отправляли для публикации в Париж сообщения, в которых в любой, даже критической, не говоря уже о хвалебной форме, подчеркивалась значимость и особенность двусторонних отношений «Кремля» и Франции.

Безусловно, самые лестные публикации исходили от «Юманите», где по вопросам внешней политики высказывались видные деятели ФКП: Марсель Кашен, Анри Марти, Раймон Гюйо, Жорж Коньо и др. Первая страница газеты крупным планом давала информацию о продвижении по Европе в первую очередь Красной Армии. О западных союзниках информация выглядела скромнее, она занимала меньше места. В феврале, накануне празднования дня Красной Армии в СССР, газета 20, 21, 23 февраля уделила особое внимание освещению этого советского праздника, а 24 февраля специально сообщала о том, что как французские коммунисты отметили эту дату в зале Мютюалите под председательством М. Тореза. Общий смысл этих статей сводился к тому, что «дань Красной Армии — это дань подвигу всего СССР, его правительству, а также главе Сталину» (причем имя его выделялось заглавными буквами).

По мере приближения дня Победы, восторженно-почтительные публикации «Юманите» об СССР становились все более объемными и хвалебными. На страницах газеты неоднократно помещался портрет Сталина, «шапки» газеты содержали такие оценки, как:

- «Красная Армия Сталина — освободительница немецкого народа»;
- «СССР — полюс свободы для всех народов, стремящихся к независимости» и т.п.

Завершались статьи и передовицы лозунгами по типу:

- «Да здравствует Красная Армия!
- Да здравствует маршал Сталин!
- Да здравствует франко-советская дружба!
- Да здравствует союз и победа всех свободоло-

бивых народов!»;

или: — «Слава и бесконечная благодарность Советскому Союзу!

Вечная слава Красной Армии!

Немеркнущая слава маршалу Сталину!»

Справедливости ради, хотелось бы подчеркнуть, что не стоит давать особо пространных комментариев по поводу вышеприведенных публикаций. Тексты их вполне справедливы. И вполне понятно и заслуженно восхищение газетой «Юманите» подвигом СССР.

Характеризуя далее ее публикации в заданном направлении, остановимся на других инструментальных приемах, к которым прибегали журналисты.

Если вернуться к тому, что говорилось по поводу проекции в прошлое при конструировании образов, небезынтересно будет заметить, что Анри Марти, например, проводил параллель между «военным гением и революцией в военном деле, совершенной Сталиным, и французскими стратегами и революционерами Карно и Сен-Жюстом»⁴ времен Великой Французской революции.

Касаясь внутренней ситуации во Франции 1945 г., Ж. Коньо писал, что «чествование побед Красной Армии поможет поднять боевой дух и патриотизм» французской армии; «разоблачить пораженцев и саботажников» и «усилить солидарность в обществе»⁵. В другой статье он напоминал читателям слова Мориса Тореза, сказанные на заседании ЦК ФКП 21 января 1945 г. о том, что «в послевоенном мире Франция получит роль, соответствующую ее вкладу в дело борьбы против нацистской Германии»⁶.

В газете набрасывался перспективный взгляд на будущее своей страны. Одна из статей Марселя Кашена вышла с красноречивым заголовком: «Руки прочь от франко-советского пакта!». В ней автор давал отпор английским и американским журналистам из «Таймс» и «Геральд Трибюн», писавшим о «двуличии» политики СССР по отношению к Франции⁷.

Можно и дальше продолжить цитирование рассуждений корреспондентов «Юманите» подобного рода, однако, на наш взгляд, уже приведенных высказываний достаточно для того, чтобы уловить ту ассоциативную проекцию на прошлое, настоящее и будущее, которая влияла на подачу материалов об СССР.

Наряду с этим, в публикациях «Юманите» наглядным образом проявлялся механизм манипуляции внутриполитическими и идеологическими разногласиями между коммунистами и их противниками при формировании образа СССР. На протяжении всего 1945 г. газета упрекала другие периодические издания, в частности, газеты «Монд», «Комба», «Фигаро» и др. в том, что они «сухо» подают материал о победоносном продвижении Красной Армии по Европе, о взятии Берлина и т.д.

Авторы статей припоминали газете «Монд» и то, что в самом начале Великой Отечественной войны советского народа та предрекала: Советский Союз не вынесет первых тягот войны», а «Украина отпадет от СССР»⁸.

Раймон Гуйо в одной из статей писал о таком факте, как «инсинуации других газет, направленные против СССР по поводу плохого обращения советскими войсками с освобождаемыми пленными в Польше, Венгрии, Восточной Пруссии, Померании»⁹.

Марсель Кашен осуждал газету «Комба» за то, что «в то время как Красная Армия ведет борьбу за спасение Франции и мира», та, «вместо того, чтобы поблагодарить СССР, задается вопросом о том, как бы интернационализировать Бакинскую нефть»¹⁰.

Много внимания на страницах своей газеты коммунисты уделяли решениям конференций в Ялте, Потсдаме и Сан-Франциско. «Юманите» приветствовала все принятые на них решения, сожалея о том, что «не вся пресса их однозначно воспринимает и комментирует»¹¹. В данном случае имелось в виду то, что публикации других газет изобиловали жалобами на принижение союзниками, и СССР в том числе, роли Франции в антигитлеровской войне. Флоримон Бонте и Жорж Коньо отвечали журналистам из «Фигаро», рассуждавшим в таком духе: «Французы сами повинны в том, что своей пагубной довоенной политикой оказались выброшенными из числа Великих держав», а Америка, Англия и СССР, «начиная с Ялты, продемонстрировали истинное дружелюбие по отношению к Франции и высказали желание включить ее в состав великих»¹².

Примечательно, что до завершения Второй мировой войны «Юманите» исключительно положительно отзывалась о действиях союзников и не делала каких-либо намеков на существовавшие среди них разногласия. Ситуация стала меняться со второй половины 1945 года. Причиной тому послужили два таких приметных и поворотных знаковых для Франции события, как визит Жоржа Бидо и де Голля в Вашингтон 22–23 августа и последовавшее вслед за ним интервью де Голля по поводу этого визита газете «Таймс», данное 10 сентября 1945 г.

Говоря современным языком, вышеперечисленные события вписывались в мейнстрим усилившихся на тот момент расхождений союзников и начала оформления западного блока в рамках послевоенной системы международных отношений. В этих условиях некоммунистическая пресса усилила свой антисоветизм, а «Юманите» — соответственно, свою роль защитницы СССР от западных нападков и критики. Например, тем, кто осуждал «советский сталинский тоталитаризм», коммунисты на страницах газеты отвечали, что в «СССР не тирания, а сильный режим», благодаря которому и была выиграна Вторая мировая война, что стабильность — один из существенных признаков сильного режима, которой так не хватает Франции¹³.

В свою очередь, некоммунистическая пресса также лишь со второй половины 1945 г. несколько изменила инструментальный податчи информации об СССР. Повторим, что до завершения войны корреспонденты этой прессы действовали исключительно положительные регистры, изображая Советский Союз. Например, «Фигаро» восторженно писала об СССР в

связи с заключением франко-советского договора. Вот одна из цитат: «Французский народ сражается за наше общее дело в тесном сотрудничестве и полном взаимопонимании с народом СССР, освободившимся ценой огромных жертв и благодаря своему мужеству и патриотизму, а также гениальному руководителю. Это будет победа свободы»¹⁴.

В газете «Монд», например, звучал явный упрек в адрес английских властей, когда она писала, что «заключение франко-советского договора служит демонстрацией того, что СССР проникся и понял суть французских предложений и позиции», тогда как «англичане все еще обуреваемы мыслями о соперничестве с Францией на Ближнем Востоке»¹⁵.

Вместе с тем опасения по поводу усиления советского влияния в послевоенном мире также мелькали на страницах газет правого толка. Так, в развернувшейся на страницах «Карфур» в начале 1945 г. полемике между Ф. Мориаком и И. Эренбургом по поводу прощения немцев, «особенно из Австрии, Баварии, которые много пострадали от нацистов», у Ф. Мориака явно прозвучал страх перед «красной угрозой»¹⁶.

Нельзя не признать также, что доля правды в упреках некоммунистических газет со стороны «Юманите» за то, как они подавали сводки о продвижении союзных войск по территории Европы, все же была. Передовицы некоммунистической прессы о победах над нацистами начинались, как правило, большими заголовками о продвижении англо-американских войск, а затем более мелким шрифтом и во втором ряду, за этими сводками, следовала информация о действиях Красной Армии.

Примечателен и такой факт. Номер газеты «Монд» от 9 мая вышел под общим заголовком «Победа союзников». 10 мая в газете подробно сообщалось, как праздновали победу в США, Англии и Франции. И только 11 мая было дано подробное описание праздника в Москве, сопровождавшееся полной публикацией обращения Сталина к советскому народу и Красной Армии в связи с этим событием.

Можно задаться вопросом, а не являлась ли подобная селекция информации о праздновании дня победы газетой «Монд» уже забрезжившим свидетельством становления двухблокового мира — Западного и Восточного? Очевидно, что ответ на поставленный вопрос может быть амбивалентным, то есть как положительным, так и отрицательным. Однако очевидно и то, что сама постановка подобного вопроса есть взгляд с позиций нашего дня и нашего дискурса об интерпретации образа «другого» в более широком плане и образа СССР в некоммунистической прессе Франции в 1945 г., — в более узком.

Между тем интересна другая публикация «Монд», от 12 мая. Там была напечатана статья известного журналиста Юбера Беев-Мери, посвященная конференции в Сан-Франциско, с красноречивым названием: «О советско-американском соперничестве». Автор описывал и доказывал, что это соперничество идет по трем направлениям:

- в Европе — по поводу сфер влияния;
- на Ближнем Востоке — в связи с учетом роли нефтяного фактора в мировой политике;
- на Дальнем Востоке, где оно проявляется сильнее всего — из-за распространения там коммунистического влияния со стороны Китая.

Впрочем, у самого Ю. Бев-Мери, не вызывало сомнений, что «американо-советский союз служит, как никогда ранее, необходимой опорой для дела мира»¹⁷. Спустя несколько дней с ним солидаризировался Ив Сези, другой журналист «Монд». Он написал, что «будущее мира и примирение идеологий зависит от двух Больших держав»¹⁸. Одна из переводчиц «Монд», озаглавленная «Чего хочет Кремль?» пыталась объяснить читателям позиции СССР следующим образом: «Политика Кремля всегда исходила из страха возникновения антисоветской коалиции и стремления воспрепятствовать ее созданию. Этот страх нам кажется надуманным и напрасным, особенно применительно к сегодняшней ситуации. Однако его нельзя сбрасывать со счетов»¹⁹. В то же время в газете настойчиво звучала мысль о том, что Франция очень заинтересована в прочных союзнических отношениях, а «будущее Европы зависит не от германской проблемы, а от согласия между СССР и США»²⁰.

Интересны те исторические параллели, которыми оперировала редакция «Монд», интерпретируя советскую политику. Она позаимствовала у английского журнала «Экономист» сравнение возникшей в мире в 1945 г. ситуации с той, что случилась во время Венского конгресса 1815 г., где главную роль, как писал журнал, играл англо-русский антагонизм.

«Монд» соглашался, что подобный антагонизм, только теперь в лице советско-английского, начал давать о себе знать и в 1945 г. Но, упомянув, что после Венского конгресса мир в Европе установился почти на 40 лет, газета выражала надежду, что «и на этот раз, похоже, мир установился надолго... а СССР, испытав в войне огромные жертвы, озабочен восстановлением экономики и на агрессию, несмотря на англо-советские противоречия, не пойдет»²¹. И в комментариях по поводу празднования 7 ноября в Советском Союзе «Монд» проводила ту же мысль: «СССР, понесший так много жертв в войне, во имя мира сделает все возможное, чтобы преодолеть возникшие во взаимоотношениях с союзниками трудности»²².

Перечитывая «Монд», нетрудно проследить, как влияли прошлое и настоящее на формирование представлений об СССР, в том числе внутривосточная борьба во Франции. Одна статья, например, касалась судеб «славянского мира» в связи с подписанием договоров о дружбе между СССР и Югославией, СССР и Чехословакией, за которыми, как уверяла газета, в скором времени последует и договор между СССР и Польшей. «Монд» писала: «Великая Россия спасла славян от рабства и разрухи, поэтому вполне ясно и понятно, что сегодня они объединяются под ее руководством... СССР предстоит в будущем организовать

славянский мир и сделать опорой своей безопасностью». Наряду с этим высказывалось предположение, что «будущая федерация южных славян может включить в свой состав Болгарию»²³.

Традиционная рубрика «Зарубежные новости» в «Монд» знакомила своих читателей с развернувшейся в советских газетах «Красная звезда» и «Правда» полемикой по вопросу об отношении советских людей к немцам. В информации сообщалось, что на страницах первой газеты Илья Эренбург выступал за жесткое отношение ко всему немецкому народу, тогда как во второй газете партийный идеолог Александров призывал отделять простых немцев от нацистов. Расценив суть дискуссии как «колебания Кремля» по поводу выработки курса в отношении поверженной Германии, «Монд» в своем комментарии предположила: «СССР явно хотел бы видеть будущим главой Германии Паулюса», сделав при этом не совсем ясный намек на то, что советское руководство опасается, «как бы в обстановке хаоса первых послевоенных месяцев в Германии не взяли верх троцкистские элементы»²⁴.

В еще одной публикации «Монд» упрекала советское руководство за то, что в момент правительственного кризиса во Франции, повлекшего за собой уход из правительства де Голля, Советский Союз не высказал сожаления по этому поводу. Газета констатировала, что советское руководство «явно продемонстрировало, что ему важнее отношения с ФКП (коммунисты к этому времени выступали с критикой правительственного курса де Голля — Г. К.), чем с де Голлем, к которому, напротив, гораздо благосклоннее отнеслись в США и Англии». «Монд» напоминала о том, что де Голль в 1944 г. заключил договор именно с СССР, а не с Англией и США, и с явной горечью отмечала, что «теперь получается, что советские лидеры оценивают де Голля в зависимости от его взаимоотношений с ФКП»²⁵.

Идеологические мотивы в представлении образа СССР постепенно охватили и социалистическую прессу. В «Попюлер» уже с июля 1945 г., на фоне усиления антикоммунистических выпадов, обострилась антисоветская риторика. Например, 5 июля Леон Блюм писал, что хотя ФКП «освободилась от материальной зависимости и подчинения СССР», остается еще зависимость психологическая, уходящая своими корнями, с одной стороны, к традиции, а с другой — к идеологической пристрастности», в силу чего компартия лишена критичности по отношению к СССР. А 21 июля в «Попюлер» появилась статья, где выражалось беспокойство по поводу внешнеполитических амбиций Сталина. Там говорилось: «Одна из его явных целей — создать на западных границах России вассальные государства, подчиненные советскому влиянию. И в этом деле Сталин жестко манипулирует правом народов распоряжаться своей судьбой».

По мнению некоторых специалистов, поворот в сторону «западного блока» наметился во французской прессе в августе-сентябре 1945 г. Он был связан с интервью де Голля газете «Таймс». В нем, в частности,

■ История

содержалась мысль о необходимости «сохранить в будущей Европе американское присутствие для обеспечения равновесия сил»²⁶ на континенте. «Монд» в одной из своих передовиц, озаглавленной «Упадок Европы», подчеркивала, что американская мощь «обязывает США присутствовать на европейском континенте и должна быть поставлена на службу миру»²⁷. Газета уверяла, что «Молотов зря нападает на западных союзников за создание «блока», употребляя это слово в единственном числе». Она оправдывала их сближение тем, что еще на конференции в Сан-Франциско «подчеркивалась необходимость создания региональных блоков ради сохранения мира»²⁸. При этом внимание в статье особо акцентировалось на том, что слово «блок» надлежит употреблять во множественном числе. То есть, как бы признавалась возможность возникновения восточного блока²⁹.

«Монд» в то же время не оставила без внимания празднование годовщины подписания франко-советского договора в зале Шайо, не только поместив выступления министра иностранных дел Жоржа Бидо, но и лидера ФКП Марселя Кашена, посетовавшего, что «кое-кто уже не защищает идеи этого договора». Здесь же были изложены выступления советского

посла Богомолова, представителей партий: МРП — Мориса Шумана, радикалов — Андре Мари и социалиста Дешенеля. Своеобразным предупреждением прозвучали слова М. Шумана о том, что «Франция всегда заключала союз с Россией, когда оказывалась в затруднительном положении». Он призвал не «дождаться нового Бир-Акейма или Сталинграда, чтобы вспоминать о союзе, и пользоваться им ежедневно, а не по «великим» праздникам»³⁰.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что еще до окончания Второй мировой войны во французской прессе активно эксплуатировался примерно такой образ СССР: «следует добиваться согласия с ним в противодействии США, но все же надо его мощь в послевоенном мире частично ограничить англо-саксонским влиянием». Что касается имиджа Советского Союза во Франции в 1945 г., подчеркнем, что это был год, когда на словах французское правительство продолжало линию «сотрудничества» между союзниками, но уже некоторые дипломаты, политики и военные начинали думать о западном союзе. А это, в свою очередь, не могло не отразиться на публикациях некоммунистической прессы, связанной с правящими кругами.

Примечания

1. Текст доклада автору был любезно предоставлен М.М.Наринским.
 2. Frank R. History of International Relations and Images / The Images of the Peoples and the History of Internetaional Relations. P. 597–598.
 3. Lacroix-Riz, A. La transformation d'un ami en ennemi: L'URSS, le Quai d'Orsay, Washington et la presse entre l'alliance de guerre et la guerre froide, 1941–1948. In: Pratiques et cultures politiques dans la France contemporaine. Montpellier, 1995. P. 125.
 4. L'Humanité, 21 février 1945.
 5. L'Humanité, 20 février 1945.
 6. L'Humanité, 4 avril 1945.
 7. L'Humanité, 14 mars 1945.
 8. L'Humanité, 24 avril 1945.
 9. L'Humanité, 28 février 1945.
 10. L'Humanité, 16 février 1945.
 11. Ibid.
 12. L'Humanité, 23 mars, 4 avril 1945.
 13. L'Humanité, 24 octobre 1945.
 14. Le Figaro, 13 décembre 1944.
 15. Le Monde, 7 février 1945.
 16. Carrefour, 11 janvier 1945.
 17. Le Monde, 12 mai 1945.
 18. Le Monde, 27–28 mai 1945.
 19. Ibid.
 20. Ibid.
 21. Le Monde, 14 juin 1945.
 22. Le Monde, 8 novembre 1945.
 23. Le Monde, 17 avril 1945.
 24. Le Monde, 20 avril 1945.
 25. Le Monde, 20 decembre 1945.
 26. Lacroix-Riz, A. Op.cit. P.128.
 27. Le Monde, 21 décembre 1945.
 28. Le Monde, 8 novembre 1945.
 29. Le Monde, 12 décembre 1945.
 30. Ibid.
-